

Отзыв о выпускной квалификационной работе Евгении Витальевны Васевой
«Интерполяции в тексте Горация»

Работа Е.В. Васевой посвящена интересной и сложной теме: пассажам Горация, которые значительная часть авторитетных ученых подвергала (и подвергает) атетезе. Эта тема имеет несомненный научный интерес и хорошо подходит для аттестационной работы: объем разбираемых текстов обозрим, но спектр связанных с ним проблем и разнообразие мнений ученых представляют достаточный материал для того, чтобы прояснить общую картину, осветить отдельные аспекты проблем, забытые в пылу дискуссий по более актуальным (как казалось ученым) вопросам, уточнить и оценить аргументацию в пользу атетезы или защиты обсуждаемых стихов и, наконец, прийти к взвешенным выводам (которые, конечно, неизбежно будут поддержаны какой-то частью научной традиции).

Сразу скажем, что с этой задачей автор успешно справляется, выступая как осторожный и вдумчивый, но вместе с тем самостоятельный исследователь. Работа имеет четкую и продуманную структуру. Краткое, но информативное введение резюмирует соображения известных ученых о причинах и возможной классификации интерполяций, уделяя внимание эволюции эдиционных принципов в изданиях Горация учеными Нового времени. Четыре главы посвящены пассажам, принадлежность которых Горацию вызывает сомнения в науке (первые строки 10-й сатиры 1-й книги; отдельные строфы од II, 16 и III, 11; и, наконец, отдельные стихи оды IV, 8).

Большим достоинством работы является манера ее написания. Сложный материал последовательно изложен ясным, сдержанным научным стилем, что делает чтение легким и увлекательным. Изложение не содержит буквально ничего лишнего, стилистические огрехи или неясности или просто необдуманные детали отсутствуют. Точностью и изящностью отличается перевод приведенных пассажей. Я поэтому читал это исследование с большим удовольствием.

Разбор мнений ученых, осуществленный диссертантом, естественно, нельзя назвать всеобъемлющим (научная традиция даже применительно к этим пассажам Горация почти необозрима), но учитывает основные статьи, комментарии и монографии. Важнее, что изложение научных взглядов предшественников следует логике изложения материала, последовательно разбираются высказанные маститыми учеными взгляды и аргументы, иногда автор выдвигает остроумные соображения или контр-аргументы от себя. Таким образом, с этой точки зрения работа приближается к образцовой.

Выводы, к которым приходит автор, опираются на четкую аргументацию и потому выглядят вполне убедительно: начало 10-й сатиры первой книги принадлежит перу античного автора, но не Горация; основания для атетезы 6-й строфы оды II, 16 явно недостаточны; 5-я строфа оды III, 11 содержит значительные трудности, которые можно, тем не менее, решить не только атетезой; и, наконец, в оде IV, 8 нельзя защитить рукописный текст, и нужно либо атетировать 17-ю и 33-ю строки, либо постулировать лакуну, но при этом воздержаться от атетезы стихов 15b-19a, предложенной Лахманном.

Замеченные мной и перечисленные ниже недостатки работы во многом следует считать пожеланиями к дальнейшей научной работе над этим материалом, а иногда и просто замечаниями на полях, на которые меня вдохновил содержательный и увлекательный разбор проблем, связанных с атетируемыми пассажами Горация. Это не то, что обязательно *должно* было бы быть в работе, но то что *могло* бы в ней быть.

Так, применительно к началу 10-й сатиры первой книги или в общем введении можно было бы упомянуть другие случаи, когда строки из античных поэтов присутствуют только в части рукописной традиции, и соответственно об их аутентичности ведутся споры, прежде всего четверостишие, предшествующее «Энеиде» Вергилия (*ille ego qui quondam gracili modulatus avena...*). Часть ученых защищают авторство Вергилия, и

дискуссия об этих стихах имеет значение для понимания того, как могут возникнуть подобные случаи. Здесь же отмечу, что осторожные соображения автора об истоках интерполяции (что ее мог «незлонамеренно» создать античный читатель, лишенный схолиев и нуждающийся в пояснении текста) несколько расплывчато. Действительно, за интерполяцией не обязательно должно стоять тщеславное желание выдать свое за Горациево. Но чтобы увереннее обсуждать возможность, предлагаемую автором, нужны параллели. Мне легче представить себе, что рядом с сатирой о Луцилии кто-то написал стихотворение другого автора на ту же тему, чем то, что античный читатель решил таким необычным образом пояснить неожиданное начало сатиры со слова *petre*.

Жаль, что автор не упомянул важный материал А.Н. Егунова об атетезе и атетезе в классической филологии, опубликованный в первом выпуске альманаха «Древний мир и мы»: он не имеет прямого отношения к интерполяции, т.е. к атетезе стихов внутри определенного текста, но там есть интересные сведения о том, почему чужой текст может дойти до нас под именем античного ученого (риторические упражнения, корысть книготорговцев).

Еще одно попутное замечание к библиографии: на комментарий А. Кисслинга (до редакции Р. Хайнце) стоило бы сослаться отдельно, наряду с его же комментарием в переработке Хайнце. Иногда работы, оставшиеся без ссылок, несомненно знакомы автору и не упомянуты из экономии – так, применительно к *eius* в поэтических текстах автор ссылается на недавнюю подробную статью Д. Баттерфилда, но конечно, это почти исчерпывающе освещено и в знаменитой монографии Б. Аксельсона «Unpoetische Wörter» (S. 72).

Замечание более общего характера: исследуемые тексты содержат проблемы интерпретации, так что кроме проблем атрибуции или атетезы (убирать ли текст или сохранять авторство Горация) читателя не меньше интересует вопрос: а что, собственно, там написано? Вопросы толкования, конечно, отражены в работе, но им в итоге уделяется меньше внимания, чем атрибуции. Применительно к первой главе автора извиняет трудность и плохая сохранность обсуждаемого текста: там ничего нельзя сказать с уверенностью. Но все же мне было бы интересно знать, считает ли автор нужным сохранять *puer exoratus* или принимать исправление *puerum exhortatus*? И кто второй защитник Луцилия после Валерия Катона – Орбилий? Кажется, автор склоняется к этому, но не говорит это *expressis verbis*. Отметим, что нам кажется остроумным предложение автора понимать *eques* в сочетании *grammaticorum equitum doctissimus* в значении «кавалерист», а не «всадник по сословию» (как саркастический выпад в адрес Орбилия). Параллелью к этому могло бы быть *scriba ex quinqueviro*, которое А.Б. Черняк (*Philologia classica* 4 [1992] 98-106) убедительно истолковал как «ставший писарем из члена коллегии квинквевиров», в смысле просто «севший писать завещание».

Другой пример, когда толкование текста остается для нас неясным: в третьей главе убедительно отвергаются многие аргументы в пользу атетезы строфы о Кербере, но для меня осталось непонятным, как автор понимает соседство *caput* (в ед. числе) и *ore trilingui* – значит ли это, что Гораций говорил о Кербере с одной головой и разделенным натрое языком? Есть ли параллели к этому (особенно к «тройному» языку)?

Перехожу к замечаниям более частного характера.

На с. 11 ехидное выражение Френкеля «Vorwitz moderner Kritiker» следует перевести не как «остроумие», а как «дерзость» или «непочтительность».

На с. 28 в прим. 8: «Р. Хаббард и М. Нисбет предполагают, что в этом месте речь идет о военном параде, в котором участвуют всадники и военные корабли». Это не так: «...not the commander of an army, but the private owner of a bronze-plated schooner and a charging *eques* of a glittering parade». Парад относится только к всаднику – авторы авторитетнейшего комментария считают, что *turmae equitum* – некий военный парад, а *aerata triremis* – это частная шхуна (*aeratus* они необычным образом трактуют как «обитый медью» против пиратов, а не «с медным носом»).

Здесь же скажу, что точка зрения диссертанта мне гораздо ближе, чем мнение Нисбета и Хаббард (и м.б., стоило бы подробнее ее защитить): все-таки хочется и в *agerata trigemis*, и в *turmae equitum* видеть что-то военное. То обстоятельство, что эти военные образы трудно вписать в композиционную ткань оды (по меньшей мере это неожиданно, до этого речь шла скорее о богатстве и бедности), как раз было одной из причин сомнения в аутентичности строфы. Думается, автор работы права в том, что, помимо суши и моря, речь здесь идет одновременно о скорости и *силе* Заботы (что от нее не убегут и не защитят ни кортеж всадников, ни мощный корабль). Верно и указание автора на скорость и маневренность военной триремы, вопреки мнению части ученых. Добавлю от себя: введение военного контекста можно мотивировать композиционно (в первой строфе – купец, застигнутый бурей, во второй – воинственные фракийцы и парфяне: торговля и война – главные способы достижения богатства). Не следует ли и *quid terras alio calentis sole mutamus* в пятой строфе тоже относить не только к торговле, но и к военным походам? Тогда военные образы обсуждаемой строфы лучше вписались бы в контекст.

На с. 12, в прим. 15 ссылка глуховата: хотелось бы знать, в каких именно местах группа обсуждаемых рукописей (сохранившая атетируемое учеными начало сатиры) даст правильное чтение. Это существенный для исследования вопрос, его следовало бы осветить подробнее.

На с. 9, в прим. 3, вероятно, вместо *exhoratus* надо читать *exhortatus* (это важно для смысла).

На с. 51, чтобы лучше передать веселую игру слов Бентли, атетирующего стих с упоминанием Карфагена (*ego vero cum prisco Catone Carthaginem delendam censeo*), «разрушить» можно было бы заменить на «уничтожить».

Подчеркиваю, что приведенные (немногочисленные) соображения и уточнения не влияют на высокую оценку работы в целом: квалификационная работа Е. В. Васевой представляет собой серьезное и добросовестное исследование, которое содержит много ценных научных наблюдений и полностью отвечает требованиям, предъявляемым к выпускной работе бакалавра по специальности «классическая филология».

доц. кафедры классической филологии СПбГУ,
к.ф.н.

09.08.2018.

Д.В. Кейсер